

УПОРОВАТАЯ КНИГА

Ну, вы читайте,
а я подожду...

Радости Вам!..

Сборник рассказов авторов Литкульты

Эдуард Малыкин

Упоротая книга

«Издательские решения»

Малыкин Э.

Упоротая книга / Э. Малыкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967344-2

Здравия желаем, дамы, господа и боевые вертолёты! Перед вами единственная в своем роде УПОРОТАЯ КНИГА. У каждого есть своя точка творческой упоротости. Авторы всегда пытаются найти ту уникальную и творческую фишку, которая бы смогла ярко и оригинально выделить их тексты на фоне других собратьев по перу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967344-2

© Малыкин Э.
© Издательские решения

Содержание

Сергей Павлов	9
Газонокосильщик	9
Ночь	11
Воздух	12
Евгения Авсянникова	13
Ради всего цветного	13
Анастасия Кадина	14
Симфония для пылесоса	14
Екатерина Редькина	16
Ванговы страсти	16
«Сюр меня!»	17
Татьяна Веткина	18
Кто не успел, тот опоздал	18
Былененький он зел	19
Дмитрий Бушковский	21
Зайчатки разума	21
Михаил Ватолин	23
Склеить белые тапочки	23
Степан Опскурос	25
Выйди из себя и зайди нормально	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Упоротая книга

Авторы: Павлов Сергей, Кадина Анастасия, Редькина Екатерина, Веткина Татьяна, Бушковский Дмитрий, Ватолин Михаил, Опскурос Степан, Савинков Евгений, Алексеев Вадим, Туманян Мирра, Охапкин Евгений, Абрамова Нина, Вощенко Любовь, Тарасенко Валерий, Косьяненко Сергей, Коробкина Анна, Кун Шими, Редфилд Ник, Манаева Ирина, Ревенко Алексей, Малыкин Эдуард, Земцов Роман, Родионова Валентина, Красова Ольга

Дизайнер обложки Яна Малькина

Редактор Надежда Максачук

Редактор Макс Исаев

Редактор Ольга Красова

Редактор Мирра Туманян

Редактор Ирма Зарецкая

Иллюстратор Юлия Ожеред

Иллюстратор Ирина Манаева

- © Сергей Павлов, 2019
- © Анастасия Кадина, 2019
- © Екатерина Редькина, 2019
- © Татьяна Веткина, 2019
- © Дмитрий Бушковский, 2019
- © Михаил Ватолин, 2019
- © Степан Опскурос, 2019
- © Евгений Савинков, 2019
- © Вадим Алексеев, 2019
- © Мирра Туманян, 2019
- © Евгений Охапкин, 2019
- © Нина Абрамова, 2019
- © Любовь Вощенко, 2019
- © Валерий Тарасенко, 2019
- © Сергей Косьяненко, 2019
- © Анна Коробкина, 2019
- © Шими Кун, 2019
- © Ник Редфилд, 2019
- © Ирина Манаева, 2019
- © Алексей Ревенко, 2019
- © Эдуард Малыкин, 2019
- © Роман Земцов, 2019
- © Валентина Родионова, 2019
- © Ольга Красова, 2019
- © Яна Малькина, дизайн обложки, 2019
- © Юлия Ожеред, иллюстрации, 2019
- © Ирина Манаева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-7344-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателям Упоротой Книжки
Саша, Ксюша и Уланчик!

МЗ

Когда появится желание
искать духовного дядю,
Оставь, мой друг, свои рыдания:
Весь мир упорот, ты - здоров!

Искренне
Ты искренно прожелевадите
разланошь.

С. Опсарис
Эта книга перевернет тебя.
Как переборачивают
оладушки на сковородке.
Если нет - знаешь ты прилип.
Или развалился. Или расплылся.
Или ты - не оладушка.

Сергей Тавнов
Завтра в ваших руках ☺
— Захарий Тб —

Мн - главное, что есть у нас.
Берегите себя.

Мн -
Мне в наши дни порой кажется,
но всегда есть надежда, что там
будет не всегда. Будет путь жизни
никогда не таскать луг надежды на
мешке! С уважением!
Сергей Серванков

А пишу с ашипками
и плахи поддержки
но никто об этом ни знает
даже я.
А может мне кажица што я пишу?
Если будете читать ЭТО, то проверьте
ни кажица ли вам што вы читаете?
Вся ответственность толка на вас!
ВАТ АТАХ...
ВАТ АНАХ?
ВАТ АХАНТАУЭТ

« Уж, а твой отец! »
« И я твой отец! »
« И я... »
Так автор « УЖ » создавал
свои шедевры, ставшие впоследствии
классикой русского языка.
С мамкой, Светланой

Рекомендовано при
книжном недостаточности
популярном авторе, знакомом
делами в кругу писателей
персонал книги не выделено.
Ирина Манаева

Будем распахивать двери!

Теткина

Трою прощам за то,
что вы читатель
прочтете это =)

Ирина Манаева

Всем! жить по горизонтали,
думать по вертикали!

Мирра Туманян

Пусть стане
книжки комочек
вам не боится
из себя ни слова
Пускай: и боится уж
себе-но себя!

Ирина Манаева

Если
хотите
сказать
мне
про
эту
книжку
КНИЖКА

Совокупись с книгой, стань ею,
а она пустой станет тобой!
Завтраги распознанных
тараканов в бабочки.

Валентина Ружицова

Всегому искусство - свою свободу!
P.S. Я-художник, а не вы!

Влад А.

Дорогой читатель!
Знай, что все истории в этой
книжке - основаны на реальных
событиях! Происходящих
на самом деле - в соседнем
с нами измерении.

В. Алексеев

Упоротость - диагноз,
с которой мы
проживаем.
Абрамова Нина

Она голова чудовищ.
А где чудовищ,
да где чудовищ,
да где чудовищ...

Ирина Манаева

УПОРОТАЯ КНИГА

Сергей Павлов

Газонокосильщик

Тимоша не находит места. Пройдётся, посидит, бормочет про себя и замолкает, прислушивается, словно бы чего-то ждёт, и, не дождавшись, вновь бормочет:

– Слова. Цветы. Акации. Пионы. Бутоны слов.

Слова бутонов...

Тимоша – поэт. Тимоша пробует сочинить новое стихотворение.

Валерьян подходит к бензиновой газонокосилке, плавно вытаскивает шнур стартера на максимальную длину, и резким движением дёргает его на себя. Трава растёт два раза в день, и всю её вовек не перекошишь. А небо как-то мрачновато. К дождю? Иногда Валерьяну кажется, что он различает в небе точки, похожие на умершие звёзды.

Не то на буквы... Не то на луковицы волос, растущих дальше в космос. К тому же – небо говорит, точнее, пытается сказать:

– Бутоны слов. Слова бутонов...

Валерьян давно привык к такому нерешительному небу. Он вытягивает из ложбинки первый попавший хрупкий грибок. Прожевав, закуривает, и, двинувшись уже с косилкою вдоль борозды, провозглашает:

– Глаголы пагубных акаций истязают...

Небо оживлённо подхватывает, и вторит:

– Глаголы пагубных...

Тимоше кажется, что он нащупал нить, пусть смысл пока не ясен, но надо записать. Он бросается к планшету. «Для разблокировки проведите пальцем по экрану».

– Как им не стыдно! Пальцем! А если у меня персты?

Записывает: «... акаций истязают».

На пути у Валерьяна дерево с дуплом.

Оставив на время косилку, он выпускает дым в дупло, и громко шепчет:

– И слух, и небо, что в открытое окно...

Тимоша подошёл к трюмо и осторожно смотрит в отражение. Зрачки расширены, выключенные волосы, как ветви шелестят, а из ушей, как будто, валит дым.

– Ну, ничего. Всё это ничего.

Валерьянов участок – покаты́й холм со рвом посередине. Ну, точно тебе – ядро грецкого орешка.

Землица плодородная, но кочковата, испещрена бороздами, иначе сказать – извилинами. Трава стриётся поверху борозд, ложбинки остаются уж как есть.

Зато в ложбинах этих – самые грибочки. И ягоды: морошка, чернослив, клюковка в сахаре. К большому счастью нету облепихи. Облепиху Валерьян ненавидит хуже всего. Пробовать не пробовал, но в книжечках читал – мерзота редкая.

Вот, кажется – поймай самую грязную собаку, выверни наизнанку – получится облепиха.

Валерьян бросает сигаретку под ноги.

В голове у Тимоши – вдруг, словно кто прижёт.

Валерьяна веселит, конечно, близость огонька с бачком бензокосилки. Но он наслышан о пылающих торфяниках в соседних-то районах. Притаптывает свой хабарик, да ещё приплюнул.

Тут и Тимошина головушка проходит.

– Полегчало.

А Валерьян сыскал в траве грибочек поосанистей, побольше, и декламирует в него, как в микрофон:

– Вливается, шумя и застревая глаголами, торчащими из туч. Беленький зайчишка, словно не веря своим ушам, с любопытством выглядывает из ложбинки.

Валерьян откусывает шляпку «микрофона», и валится в траву, и жмёт траву в горстях, счастливый и хмельной, как молодой Есенин, плачет, и целует землю, и кричит туда:

– Акаций ворох и певуч, и пагубен одновременно.

Всё равно!

Зайчишка, поджав уши, мчится наутёк, а небо, голосом Тимоши, повторяет вслед:

– Одновременно. Всё равно.

Ночь

Ночь. Полвторого. Все спят, и только сверху доносится тихая музыка и пение. Это сосед-гитарист этажом выше исполняет красивые романсы, вероятно, своего сочинения. Дождь и ветер шумят за окном, но совсем не мешают наслаждаться прекрасной мелодией. Затем ещё одной, и ещё...

Вдруг просыпается жена и просит меня постучать по батарее, чтобы «этот гад заткнулся». Я знаю, мне сейчас не получится ей объяснить, как хороша и своевременна эта музыка, поэтому я молча приношу с кухни столовую ложку, и начинаю стучать по вертикальному стояку. У меня отличное чувство ритма, поэтому я без труда попадаю в такт. Наш ансамбль звучит сыгранно, и мне кажется, что от этого сразу всем становится хорошо. Жене нужно, чтобы я стучал по батарее, и я стучу. Соседу важно поддерживать ритм, и ритм безупречен. А мне просто нужно, чтобы все были счастливы. Через некоторое время музыка наверху отчего-то замолкает. Видимо соседу удалось достичь высшей степени блаженства, и он отправился спать.

Тем временем дождь поутих. Теперь по подоконнику стучат лишь отдельные капли: тук-тук, тук-тук. Точно сердце. Как будто это бьётся сердце ночи. Или это уже моё сердце. А порывы ветра подобны её прерывистому дыханию. Или моему. А сама ночь так же темна, неопределённа и пьяна, словно моя душа. Не зря говорят: душа – потёмки. А Луна очень похожа на мою жену.

Как и у моей жены, у Луны есть передняя сторона и задняя. Таинственная. Но, присмотревшись получше, я делаю неожиданное открытие. Оно звучит, как научная сенсация, но, помимо двух сторон, я обнаруживаю у Луны – верх.

А затем, несколько позже, – ещё и низ! Какое поразительное сходство! Кроме того, известно, что Луна холодна.

Как и моя жена. Хотя я знаю, если мне не пить несколько дней подряд, то она немного теплеет. А может, Луна от того и холодная, что на Земле постоянно кто-то пьян?

Ночь. Она так глубока, что её границ, как и границ жизни, совсем не видно, словно их вовсе нет. Она тянется ввысь и плавно переходит в небо, даже кажется, что ночь и небо – одно целое. Это не так. Ночи сменяют друг друга. Они, как и люди, приходят и уходят, а небо остаётся.

Порывы ночного ветра не утихают.

Ветер подхватывает уличные фонари, отрывая их от корней, и плавно уносит в ввысь, туда, где они превращаются в звёзды. Редкие машины по ночной бесконечной дороге заезжают на небо сами, и их фары светят уже оттуда.

Кошки с горящими глазами тоже становятся звёздами.

Но прежде им приходится вскарабкаться на крышу, а там уже до неба один шаг.

Всё это прекрасно видно из окна. Мне нравится эта ночь. Она так интересна, как и сама моя жизнь.

Мне хочется, чтобы дыхание ветра подольше не утихало, чтобы ритмичный стук дождя по подоконнику не замолкал. Тук-тук, тук-тук. Чтобы она ещё продолжалась.

Ведь до рассвета ещё далеко?

Воздух

Один человек весь день пил водку.

Затем наступил следующий день. Этот человек выполз на балкон проветриться. Он полежал немного на животе и перевернулся на спину. Когда он открыл глаза, то встретился взглядом с соседкой. Она делала вид, что развешивает бельё на прилегающем балконе справа, но сама внимательно наблюдала за ним. Человеку сделалось неловко, он встал на четвереньки и быстро, как ящерица, уполз с балкона.

Он не хотел привлекать внимание, но ему нужно было освежиться. В то же время просто стоять на ногах, как это делают многие люди, из-за невероятного головокружения было тяжело и даже опасно, – того и гляди рухнешь с балкона вниз.

Через некоторое время человек осторожно положил шею на порог балкона, свесив голову наружу. Он жадно вдыхал воздух, чуть приоткрыв рот и слегка высунув язык.

Голова его была немного повернута в сторону, а взгляд, сначала направленный перед собой, затем медленно и с опаской заскользил правее, по бетонному полу, пока не упёрся в решётчатое перекрытие между балконами.

Скосив глаза ещё чуть выше, человек обнаружил, что соседка уже вместе со своим мужем молча глядят на него, не скрывая любопытства. Неохотно он переместил голову обратно в комнату.

Проблема оставалась нерешённой, и человек задумал действовать нестандартно. Он достал из кармана ножик и отрезал себе голову. Когда кровь немного поутихла, он обнаружил, что голова больше почти не кружится, а значит, можно легко стоять на ногах. Он взял голову, вынес её на балкон и положил в дальний угол, за старыми коробками. Туда уже не проникали чужие взгляды, зато свежего воздуха было предостаточно.

Человек торжественно покинул балкон.

Войдя в комнату, он почувствовал, что очень устал (действительно, выглядел он неважно) и решил, что пришла пора отдохнуть. Он прислонился к стене, медленно опустился и сел возле открытой двери балкона. На лице его была улыбка.

От автора. Многие возмущённые читатели гневно спрашивают меня: мол, как это возможно, чтобы при отрезанной голове на лице была улыбка. Я весело отвечаю: очень просто. Его улыбка на его лице, его лицо на его голове, его голова на его балконе, а сам он рядом.

Голова, пусть даже и отрезанная, всё равно остаётся собственностью своего хозяина, если только её кто-нибудь не украдёт. Это закон.

Это только его лицо, и ничьё больше, что подтверждается паспортом, который менять надо будет ещё только через год в связи с достижением сорокапятилетнего возраста. Кстати, украсть голову некому, так как человек живёт один, а квартира его предусмотрено изнутри заперта на замок. Это раз.

Кроме того, акт отрезания головы — лишь ловкий приём конспирации, при котором обе части тела преследуют общую цель. Эта цель — свобода во всех смыслах, а также дерзкий вызов всему консервативному обществу. Когда цель достигнута, отчего же не улыбнуться?

Евгения Авсянникова

Ради всего цветного

– В чёрном-чёрном городе, среди чёрных машин, деревьев и людей жил фиолетовый человек.

– Он был умный?

– Нет.

– Он был глупый?

– Нет.

– Тогда какой он был?

– Он надевал красный цилиндр, синие шаровары и оранжевую рубашку.

Брал кладоискатель в руки и ходил по городу в поисках разноцветных крышечек от пива «Туборг».

Он заклеил ими весь свой чёрный дом, внутри и снаружи. Чёрные люди не могли простить фиолетовому человечку то, что он нарушал гармонию чёрного города. Ночью, когда человек ложился спать, они приходили к его дому и закрашивали стены чёрной краской. Человек просыпался, сдирал со стен испорченные крышечки, брал в руки кладоискатель и целый день бродил в поисках. Пока его дом пустовал, чёрные люди пробирались внутрь с чёрной краской и закрашивали стены.

– Откуда в чёрном городе столько разноцветных крышек?

– Всё просто. В центре города стоял чёрный завод по производству пива «Туборг». Люди пили пиво, а ненавистные разноцветные крышки зарывали глубоко в землю, чтобы гармония чёрного города не была нарушена.

– А друзья у фиолетового человечка были?

– Нет. Всякому, кто посмеет с ним хоть о чём-то заговорить, на лбу набивали ярко-красное пятно.

Это была обычная хна, которая со временем смывалась, но то время, пока она держалась на коже, чёрный человек не выходил из дома, чтобы никто не узнал, что он посмел заговорить с фиолетовым человечком. Однажды в чёрный город приехал белый фургон. Припарковался в парке напротив завода. И семь дней из фургона никто не выходил. На восьмой день, когда мимо фургона с большим мешком разноцветных крышечек проходил фиолетовый человек, дверь отворилась, и оттуда вышел белый старик, с длиной белой бородой до колен и в белоснежном балахоне до самых пят: «Я приехал за тобой, фиолетовый человек.

Иди со мной, и я увезу тебя подальше от этого чёрного города. Ты будешь жить в моем белом замке, в белом городе, среди белых машин, белых деревьев и белых людей.

Мы заберём все твои крышечки и обклеим ими мой замок».

На это фиолетовый человек лишь усмехнулся: «Белые люди закрасят белой краской все стены в твоём замке.

И когда ты станешь крохотным фиолетовым человечком, они заклеят красной хной всякого, кто посмел с тобой заговорить».

Старик долго смотрел, как фиолетовый человек уходит всё дальше от фургона. Потом завёл мотор и уехал прочь.

– Что стало с этим человечком?

– Никто не знает, но говорят, есть те, кто видел его на улицах нашего и других городов.

С кладоискателем в руках и красным цилиндром на голове.

Анастасия Кадина

Симфония для пылесоса

Дни, когда в доме заканчивается печенье – самые что ни на есть противные и тянутся в три раза дольше.

Или в четыре, не знаю. Обычно они начинаются с того, кто-то из няnek насильно поднимает меня с постели и умывает холодной водой из тазика. Настолько холодной, что, подозреваю, няньки бросают в неё лёд, пока мама не видит.

Затем няньки одевают меня в чистое платье и гольфы под цвет. Толстая Нелли при этом поёт песенку про весёлые ножки, как будто я совсем маленькая, а конопатая Рита морщится и иногда высовывает кончик языка. Потом няньки приносят завтрак – это непонятная смесь, похожая и на суп, и на кашу, кроме того одновременно и сладкая, и солёная. Не верите? Приходите ко мне в гости ровно к девяти утра и сами попробуйте.

А потом приходит Скука. Скука похожа на худенькую старушку в очках. В руках у неё длиннющая палка.

Стоит мне залюбоваться сидящими на дереве птицами, как она протягивает эту свою палку прямо в окно и гонит их прочь. Мультки по телевизору она миглом переключает на новости или просто их укорачивает: вот только-только мультик начался – и сразу же конец.

А если начнёшь думать о чём-нибудь интересном, Скука садится у ног и начинает слегка пружинить на железной сетке кровати.

И все мысли сразу же разбегаются по комнате, прячутся то в шкафу, то под комодом, то с разбегу запрыгивают на люстру и сидят там тихо-тихо, лишь иногда чихая от пыли.

Но это когда в доме совсем нет печенья.

А вот если оно есть – хоть пару штук, пусть даже раскрошенных – тогда вместо Скуки приходит Сквайки.

На потолке открывается белая дверца и из неё падает верёвочная лестница, а по ней ловко спускается маленький толстенький человечек. На нём надеты серые брюки и пиджачок, еле-еле застёгивающийся на животе.

Человечек прыгает на кровать, снимает шляпу и кланяется.

– Бонжур, принцесса. Как поживает ваше величество? Найдётся ли в доме небольшой кусочек печенья для вашего покорного слуги? – говорит он голосом, мягким, как у кота.

– Конечно! – отвечаю я и начинаю смеяться.

– Почему вы улыбаетесь? Разве я спросил что-то смешное? Что может быть грустнее человека, которому уже сто лет не перепало и крошки печенья?

С самым печальным на свете видом он выходит из комнаты, но тотчас же возвращается, двумя руками прижимая долгожданные сладости к животу.

– Восхитительно, – говорит он с набитым ртом. – Райский нектар, пища богов. Но чего-то мне не хватает.

Ах, чаю! Как я мог забыть про чай!

Сквайки аккуратно снимает с себя шляпу-цилиндр, переворачивает, дует внутрь и с шумом начинает прихлёбывать прямо из неё. Конечно, он настолько вежлив, что обязательно предложит и мне сделать пару глотков.

В моих руках шляпа выглядит не больше чашки, но внутри плещется настоящий горячий чай с лимоном и сахаром, очень вкусный, и я по примеру друга тоже пью его громко и смешно.

– Хочешь повеселиться, принцесса? – спрашивает он, вернув шляпу на голову.

– Конечно, – киваю я.

Сквайки трижды хлопает в ладоши – двери сами закрываются на ключ, чтобы не вошла мама, или няня, или усатый доктор Иван.

Окно раскрывается нараспашку и по шторам, как по горкам, в комнату съезжают пушистые солнечные зайчики. Вслед за ними спускаются лохматые белые овечки из облаков. На подоконник садятся дрозды и начинают рассказывать мне новости. Знаете, они гораздо интереснее тех, что показывают по телевизору. Например, о том, что в квартире над нами у полосатой кошки родились котята.

Сразу трое. А из квартиры справа сорока украла с кухни серебряную ложечку. А маленький мальчик, живущий под нами, сам сделал рогатку и стрелял из окна зелёными сливами до тех пор, пока не попал в дворника.

Дворник, конечно, очень разозлился, пришёл в гости к мальчику и отобрал рогатку, напугав его метлой. У соседей постоянно происходит что-то интересное. В это время зайцы прыгают по комнате, как заводные, а овечки прижимаются мягкими спинками к моим ногам.

А когда мне и это надоест, Сквайки выходит на середину комнаты и объявляет голосом из телевизора: «Симфония для пылесоса с оркестром». Сначала начинает дрожать люстра, её маленькие стеклянные палочки звенят как колокольчики. Потом стулья не выдерживают и начинают притопывать в такт передними ножками.

Дверь чёрного шкафа, который я не очень-то и люблю, приоткрывается и скрипит как скрипка. А сам Сквайки носится по комнате верхом на пылесосе, а из пылесоса льётся музыка. И я смеюсь, и хлопаю, и топаю ногами, пока не заболит живот, и глаза не станут мокрыми.

И всё равно мне весело и хорошо, хоть я и знаю, что мой друг вот-вот убежит по качающейся верёвочной лестнице обратно на потолок. И дверь откроется, и зайдёт мама, грустная, как и всегда, или кто-то из нянек перевернёт меня на бок, хорошо, если лицом к окну, или доктор Иван будет спрашивать, что мне сегодня снилось, так и не выслушав, что я ему отвечаю.

«Пусть в доме всегда будет печенье», – каждый раз говорю я им. Но доктор Иван отвечает невпопад:

«Конечно, ты молодец. Ты очень старательная девочка».

А няньки открывают окно, укрывают ноги одеялом или включают телевизор. А мама сразу же убегает из комнаты.

И я очень хочу попросить Сквайки, чтобы в следующий раз он рассмешил и её. Интересно, он согласится или нет?

Екатерина Редькина

Вангоговы страсти

Ночь с Шекспиром плавно перетекала в утро. Полулежа в старом пёстрой расцветки кресле, художник дочитывал «Бурю». Остановившись перед эпилогом, заложил страницу конвертом последнего письма от брата, выпрямив спину, опустил книгу на стоящий рядом столик и стал набивать табаком трубку. Третья бессонная ночь давала о себе знать: глаза закрывались, уставшие члены просили отдыха. Но упрямое сознание как будто спорило с телом: оно бодрствовало, воображение неутомимо рисовало то шекспировских героев, то образы из написанных им картин, то увиденное недавно, что обязательно просилось на полотно. С наслаждением вдыхая горьковатый дым, он поднялся с кресла, запахнул халат, прошёлся по так и не ставшей родной комнате с серо-зелеными обоями, которая одновременно служила мастерской, остановился у мольберта с незаконченным пшеничным полем, улыбнулся: «Сегодня непременно доделаю!»

Неожиданно стукнули в окно, потом ещё раз и ещё. Звучащую в голове «Марсельезу» оборвал страх.

Кому нужно, тот мог войти в дверь: комнаты для душевнобольных в Сен-Реми не запирались. Так врачи быстрее могли прийти на помощь в случае необходимости. Художник осторожно отодвинул аквамариновую занавеску с бледными розами и вскрикнул: «Опять он!»

Сердце заколотилось, он закашлялся от дыма, попавшего не в то горло.

В окно яростно бился головой крупный подсолнух. Часть семечек осыпалась, и отчётливо стали видны узкие глаза, нос треугольником и орущий рот.

«Это японский подсолнух-самурай, – догадался стоящий у окна, – он сейчас влезет сюда и прикончит меня.

О, он привёл с собой целую армию, – рассуждал человек, разглядывая поле колышущейся от сильного мистраля пшеницы. – В жёлтых мундирах, приближаются, качаются, как пьяные. Я слышу, как главный кричит: «Банзай!» Задёрнув штору, он беспомощно оглянулся, как бы ища защиты... И чудо свершилось! Они пришли!

В голове опять заиграла «Марсельеза».

Художник приветствовал свой полк.

Дамочка из Обнаженной в постели подтягивала свои белые чулки, готовясь к бою. К ней пристроился Пожилой мужчина в цилиндре, пьющий кофе, стратег по натуре.

Шаг вперёд сделал Косарь, предварительно подточив своё оружие. На него обезумевший от страха художник надеялся больше всего. Над защитниками летали Полуфигура ангела и Летучая лисица...

Через некоторое время на крики и раздавшийся звон стекла пришли санитары. Спустя год измученный приступами художник выстрелит себе в грудь.

«Сюр меня!»

Открыв глаза, вижу своё отражение в зеркальном потолке. Прихожу в ужас, потому что рядом со мной, отвернувшись к стене, лежит Горгона. Волосы-змеи, свиваясь в клубки, выпрямляются и набрасываются мне на лицо и шею, но не жалят, а... целуют. Вас когда-нибудь целовали змеи? Это омерзительно. Я тоже раньше так думал. Но сейчас я тащился... Чудо-змейки! Их движения были столь нежны, как будто меня обвивали атласными лентами. Влажные прикосновения маленьких головок. Лицо. Шея.

Некоторые пытались целовать меня ниже под одеялом, но хвосты, намертво приросшие к голове хозяйки, не давали возможности. Я млел, отражаясь в зеркале, опутанный этими тварями, тварьками, змейками, змеюшечками.

Оу! Откинув вышитое золотым по белому одеяло с продолжающей спать Горгоны, я обнаружил тело нимфы с торчащим между ног рогом изобилия. «Ёшкин кот!

Вчера переборщили с ролевыми играми!» Дионис, наливавший нам полные чарки и кормивший всех синим виноградом с серебряного блюда, испарился. Два сатира, обнявшись и вызывающе храпя, спали на соседней кровати. Из-под одеяла торчали их грязные копыта.

Горгона зашевелилась, волосы приняли стойку, стойка была и у меня. «Сука, только не смотри мне в глаза!» – прошептал я. «На хрена ты мне сдался! – ответила нимфа Горгона. – Только рог вынь».

В это время распахивается окно и в комнату с криком «где она?» влетает Персей.

Сандалии с дрифтом тормозят по полу, наполняя помещение запахом палёной резины. В руках у героя автомобильное зеркало и огромный шприц, наполненный янтарной пенящейся жидкостью. Я захотел испариться, как Дионис. Смутившись, глянул в зеркальный потолок, который моментально стал покрываться виноградной лозой.

За какие-то секунды он был весь увит зеленью и свисающими гроздьями спелейших синих ягод. Перекрестившись, я сказал: «Чур меня!» Но выбитый год назад передний зуб все испортил и получилось:

«Сюр меня!» Это сработало, как заклинание.

И я очутился в огромной белой паутине, в которой качался, как в гамаке. Качался не сам: большой мохнатой лапой меня подпирала Арахна – здоровая паучиха с миловидным женским лицом.

Одной из лап она подпирала свою щёчку. Так девица-красавица высматривает из терема своего добра молодца, открыв резные ставенки. Длинные чёрные волосы Арахны были распущены и перехвачены по лбу красной ленточкой.

Она глядела на меня так ласково, как на ребёнка. И голосок у неё был такой ласковый-ласковый: «Вот думаю, милый, сейчас тебя сожрать или чуть повялить на солнышке». Раздался щелчок. Меня ослепило и стало жарить. Спелёнатый паутиной, я чувствовал себя голубцом в сковородке с кипящим маслом. «Сюр меня! Сюр меня! Сюр!»

Плечи, грудь, живот, ноги сгорели, щипало нестерпимо. Я нашупал языком знакомую дырку вместо зуба. Фиг с ним, здесь меня все равно никто не узнаёт.

Назревала очередная пенная вечеринка в лучших греческих традициях. Сегодня будем вызывать Афродиту. Родос, я люблю тебя!

Татьяна Веткина

Кто не успел, тот опоздал

Сосиска Саня была неудачницей. Ей не повезло ещё при рождении – Великий Творец Сосисок замешкался на долю секунды, и предшественница Сани, Глаша, оказалась раза в полтора длиннее, чем остальные, ну просто супермодель, а не сосиска! А Сане досталось то, что осталось. Получилась она коротенькой, толстенькой и несуразной. Соседки по связке Глаше завидовали, Саню вроде бы жалели, а втайне насмеялись, ну конечно же, насмеялись, она же чувствовала!...

Пройдя весь положенный путь и оказавшись перед Великой Тайной Бытия (то есть на кухонном столе перед кастрюлей с кипятком), Саня очень волновалась – будущность манила и обжигала. И надо же такому случиться – то ли освободить маленькую Саню от нарядной полиэтиленовой одежды было очень уж неудобно, то ли хозяйка была косорукая (да уж, обладают порой вершители судеб таким качеством), но Саня выскользнула из толстых пальцев и канула в щель за плитой.

Хозяйка чертыхнулась, ладно, мол, достану потом, да, видно, забыла. Саня сначала всё ждала спасения, а через пару дней поняла, что случилось страшное – все, прошла молодость... ну, короче, срок реализации закончился.

И значит, не успела она выполнить своё главное предназначение – кому же нужна тухлая сосиска...

Однако Великий Творец не пожалел для Сани консервантов, целлюлозы и прочих полезных вещей, а в кухне было тепло и сухо, и всё это вместе взятое превратило отвратительный процесс разложения в более эстетичный процесс мумификации.

Саня ощущала себя сильно похудевшей, хотя и несколько морщинистой, и в долгие часы одиночества к ней стали приходить крамольные мысли – а так ли необходимо исполнение этой своей миссии? Вспоминались тёмные слухи о том, что Великая Тайна – вовсе не благородное жертвоприношение, а участие в некоем низменном и страшном процессе... Тогда получалось, что её ужасное падение – не катастрофа вовсе, а совсем наоборот – подарок судьбы. Думая об участи сосиски Глаши, Саня покрывалась мурашками ужаса – то есть покрывалась бы, если бы её кожа была такой же нежной, как раньше. И, лёжа в ставшем уже родным уголке под плитой, она чувствовала себя – Избранной... Ей казалось, что молчаливые кухонные паучки ткнут вокруг неё свои сети, потому что прониклись они прямо-таки рабским поклонением перед ней – царицей, снизошедшей в их унылую обитель... Саня и подумать не могла, что подлые твари просто используют её как благоухающую (совсем даже не розами) приманку для мелких букашек-таракашек.

Шло время. На кухне наконец затеяли ремонт, плиту передвинули, и Саню вместе с прочим мусором повёз в последний путь огромный оранжевый катафалк.

Она лежала, надёжно закутанная в паутинный саван, и думала: ну да, да, вот оно, я буду возлежать вечно в центре огромного холма, я буду средоточием этой пирамиды...

И это была её последняя мысль перед тем, как она превратилась в маленькую шепотку жирного пепла.

В городе наконец-то запустили мусоросжигающий завод.

Былененький он зел

Теплоход, трудолюбиво урча, неторопливо двигался по нескончаемой ленте реки. После ужина Анна Петровна, погуляв по палубе, направилась к излюбленному месту под окном своей каюты, на ходу доставая книгу из сумки... и замерла.

На столике сидел кузнечик. Он был большой, пожалуй, с мизинец, и не просто зелёненький, как в глупой песенке – ярко-изумрудный и блестящий, как молодая трава, с забавными усиками и выпуклыми перламутровыми глазищами. Анна Петровна, вспомнив юннатское детство, отщипнула кусочек плюшки, прихваченной с ужина к вечернему чаю и осторожно придвинула к насекомому – забавы ради, предполагая, что едят они вроде как всякую травку. И очень удивилась, когда кузнечик с явным аппетитом принялся поедать угощение, замысловато шевеля страшноватыми на вид челюстями.

Она глядела на кузнечика и ясно представляла, как это чудное творение природы вскоре окажется раздавленным шаловливой детской ручонкой... ну или сдуру сиганёт за борт. И она, украдкой оглядевшись и сама себе удивляясь, аккуратно изловила насекомое, принесла пинающегося кузнечика в каюту, вытряхнула из большой походной кружки остатки купленной вчера вишни и усадила туда найдёныша, прикрыв вместо крышки толстой рекламной брошюрой.

Ночью, как обычно, пришла мама. В каждом сне Анны Петровны с мамой случалось что-нибудь плохое – и надо было нести её по лестнице, и хоть мама была такая, как в последний свой год, исхудавшая и невесомая, но с лестницей вечно что-то было не так, и вместо родной шестьдесят пятой квартиры вдруг оказывалась уже пройденная шестьдесят первая, и надо было тащить дальше, а мама смотрела в грязный потолок мёртвым инсультным глазом, а другой глаз все пытался что-то отыскать вокруг, и неразборчивое бормотание оформлялось в одно бесконечное: «хва... тит... хва... тит...»

Анна Петровна проснулась в холодном поту, раздавленная чувством вины, осточертевшим и абсолютно иррациональным – она была при маме безотлучно, и дожила мама почти до девяноста... Дурацкая была идея уехать в круиз, чтобы развеяться, ведь сама эта поездка стала возможна только потому, что мамы больше нет – *благодаря* тому, что её больше нет...

Пытаясь унять сердцебиение, она не сразу поняла, что в каюте происходит нечто странное – звуки были ужасно знакомые, но совершенно невероятные. Поняв наконец природу этого мелодичного – шелеста, шуршания, звона?... – она села и торопливо нацепила очки.

Кузнечик стрекотал. За ночь импровизированная крышка съехала, он вылез, сидел на краю полки и старательно тарыхтел, ритмично работая сильными задними ногами. В полном упоении кузнечик пел свою глупую серенаду, и с таким же упоением слушала его Анна Петровна... Потом кузнечик, видимо, утомился, она бережно усадила его обратно в кружку и неожиданно для себя проспала крепким сном до самого завтрака.

Стоянка в тот день была в маленьком прикамском городке. На кухне был выпрошен пластиковый стаканчик, кузнечик упакован, доставлен на берег и выпущен в укромном уголке ближайшего сквера. Он сидел на веточке, глядя на Анну Петровну. Она наклонилась так близко, что увидела своё отражение в перламутровых глазах – а кузнечик, наверно, видел своё отражение в очках Анны Петровны. Потом он повернулся, но, прежде чем скрыться в листве, смешно перебирая лапками, прошелестел ей прощальное «скр-скр-скр»...

На берегу возле причала росли старые сосны. Анна Петровна села передохнуть на тёплую деревянную лавочку. Августовское солнце припекало, воздух был до предела насыщен ароматом хвои и сосновой смолы – казалось, его можно впитывать всей кожей...

Огромный бело-голубой теплоход покорно ждал, когда она поднимется на борт, чтобы отправиться по сверкающей, невероятной реке – домой... В каком-то блаженном оцепенении

она подумала: «А мама бы за меня порадовалась...» И мимолётно удивилась – впервые думать о маме было не больно. Совсем не больно.

Дмитрий Бушковский

Зайчатки разума

Сегодня было по-особенному жарко. Раскалённое солнце гигантским фонарём висело над молчаливой саванной. В прошлый раз Крокодил проглотил его, и пришлось приложить немало усилий, чтоб вернуть светило на законное место. Сейчас Крокодил лежал спокойно, отдыхая на берегу реки, лапы и хвост до сих пор болели после встречи с Медведем.

Фламинго стоял по колено в воде, вторую ногу подогнув под себя. Рядом плавали три лебедя, синхронно с ними на берегу мерно вышагивали слоны, и ещё неизвестно кто в ком отражался.

– Снова они, – недовольно подумал про себя Фламинго, заметив невесть откуда появившихся зайцев.

Они приходят сюда каждый день, бывает по одному, бывает стаями. Сегодня их было только двое: один старый с поседевшим мехом, его можно было видеть каждый день, а вот второго Фламинго видел впервые, этот был явно моложе.

Зайцы шли вдоль реки, то и дело, останавливаясь у животных, и о чем-то дискутировали. Наконец «ушастые» приблизились к птице. Фламинго сделал вид, будто не заметил этих докучливых гостей, и стал всматриваться в голубое небо – там, застилая солнце своим массивным телом, проплывал кит. На его спине, как на объёмной карте, раскинулась деревня с небольшими избушками, церквями, пашнями, людьми, копошащимися, словно муравьи перед дождём.

Зайцы затараторили что-то на своём, изредка кивая и показывая в сторону Фламинго, но его это совершенно не интересовало.

– Вот, Сергей Петрович, обратите внимание, интересный пациент, – врач указал на стоявшего возле стены мужчину. Тот, словно йог, идеально удерживая равновесие, стоял на одной ноге, вторую поджав к паху. Он словно сидел на каком-то невидимом высоком барном стуле.

– Хм, – только и ответил ему коллега, скрестил руки на груди и стал осматривать больного, – и как долго он находится в таком состоянии?

– Началось буквально несколько часов назад.

Что можете сказать по этому поводу? – в вопросе явно читалось желание провести «новенькому» мини-экзамен.

– Сложно так сразу сказать, надо изучить историю болезни. Возможно, кататонический ступор, – в последнем слове появились вопросительные интонации.

– Да, – покачал головой в ответ главврач. Уголки губ затронула еле заметная улыбка, а в голове промелькнуло: «Неплохо для начала, думаю, мы сработаемся». – Всё верно. У больного кататоническая шизофрения. В данный момент можно наблюдать онейроидный синдром, пациент находится в мире иллюзий, и мы ему представляемся кем угодно, но точно не врачами.

– Очень интересно, – пробубнил себе под нос Сергей Петрович.

– Ну да ладно, пойдёмте, я введу Вас в курс дела, покажу рабочее место.

Мужчины продолжили движение по длинному коридору, иногда останавливаясь у пациентов и оживлённо беседуя.

– Всё-таки странные существа эти зайцы, – подумал про себя Фламинго, – суетные какие-то.

Наполовину скрывшееся за горизонтом солнце последними лучами осветило саванну, от чего бледно-розовые перья птицы приняли ярко-красный оттенок, словно вспыхнувшая спичка, постепенно затухающая с приближением ночи.

Михаил Ватолин

Склеить белые тапочки

Маленькая деревянная церковь полна народу. Напротив меня, выстроившись в два ряда перед гробом, стоят друзья моего дяди; моего единственного дяди, над телом которого, с противоположной стороны от приглашённых, в гордом одиночестве возвышаюсь я, последняя представительница своего рода.

Батюшка бродит вокруг гроба с кадилом, изредка возглашая: «Аминь!», на что состоятельная часть поминающих откликается, крестясь и сверкая золотыми перстнями, а часть, состоящая в большинстве своём из неимущих атеистов, неосторожно приглашённых мной для прощания в церковь, упрямо молчит. Первое время я с удивлением наблюдаю за их курьёзным поведением, но затем, погружаясь в печальные раздумья, вслушиваюсь в молитвы стоявших недалеко от меня певчих.

Очень скоро голос одного из них привлекает моё внимание. Я выделяю его напев из всего хора, наслаждаюсь не только светлыми стихами, но, в большей степени, ярким тембром, силой вокала, который как-то неожиданно напоминает мне застольные песни моего дяди, хотя дядя басил и часто фальшивил, а мужчина церковного хора обладает прекрасным баритоном, искусно попадающим в ноты.

Плывя на волне молитвенной песни, я невольно поглядываю на хор, выискивая взглядом обладателя чудесного голоса. Велико моё изумление, когда я понимаю, что голос принадлежит совсем молодому певчому, безбородому юноше, с закрытыми глазами увлечённо молящемуся за упокой души моего дяди.

Этот голос часто грезится мне, особенно зимними ночами, когда холод добирается до моего тела сквозь тонкую шерсть одеяла. Тогда я вспоминаю аромат мёда от восковых свечей, напев, чарующий и успокаивающий одновременно, и одухотворённое лицо юноши, чьи черты для меня размыты, расплывчаты, позабыты...

Иногда картины тех похорон являются летом, в предрассветной духоте южных сумерек: мне снится блеск золота и камней в массивных перстнях, упитанные лица их владельцев, подбородки, в исступлении задранные к потолку церкви; серая толпа атеистов, напротив, печально глядит на гроб, опускает глаза себе под ноги, исподлобья зло косится на иконы и на меня, на меня... Я неизменно ловлю их мрачные взгляды, не осуждающие, но удивлённые, будто всерьёз задающие мне невнятный вопрос.

Эти глаза, будто очи, сошедшие с ликов икон, глядят на меня с лиц атеистов, отражая тусклое свечение лампад.

Очи праведников – порицающие, неумолимые в своей правоте. Я бегу от них в безумные алкогольные сны, скрываюсь в кокаиновую нирвану. В реальной жизни я больше никогда не была в той церкви, и лишь однажды чётко вспомнила лицо певчего с красивым баритоном.

Это случилось уже после того, как следы моего дяди истлели в кладбищенской земле, после того, как я забрала из крематория урну с чьим-то прахом, скрывающим контрабанду, и осознанно пронесла её через две таможни; и уже после того, как сверкающие драгоценными камнями перстни украсили, наконец, мои руки; и даже после того, как драгоценные перстни с них исчезли.

В день, когда воспоминания о юном певчеме из русской церкви нахлынули на меня, я стояла в центре Куэрнавака, нарядно украшенного в честь празднования мексиканского Дня Мёртвых. Над полными запахом ладана людными улицами и площадями города висели яркие

нити искусственных цветов и фруктов – гирлянды, пронизанные грустными поминальными песнями, духом текилы и пива.

Я стояла на площади, недалеко от входа в собор, среди пёстрого неба гирлянд, и вслушивалась в далёкое эхо, проступающее сквозь гитарный перезвон площадных музыкантов. Красивый баритон выводил затейливый мексиканский плач, заглушаемый нестройным топотом ног и мрачным гулом пьяного города, а я вслушивалась этот баритон, в ноты его песни, изредка долетающие до меня будто из прошлого – словно из моей молодости доносился до меня звук и запах маленькой деревянной русской церкви, полной народа, света и скорби. И мне хотелось плакать – реветь, как в детстве, от отчаяния и жалости к себе.

Рыдать посреди празднования Дня Мёртвых, рыдать о своих печалях в небольшом мексиканском городе, наряженном в честь мертвецов, возвращающихся к родным раз в год.

Но рыдать мне, бросившей своих мертвецов там, за морями, горами, лесами, здесь, где мертвецам посвящают праздники и украшают города, я не могла; и просто тихо плакала, слушая близкий голос далёкого прошлого.

Голоса среди ночи растворяют застывшую тьму Морелоса жёлтые отблески длинные тени укутай меня теплее

во сне нет сна он тягуч как запах ладана из открытых церквей мёртвые не приходят к уснувшим живым к плохим живым

у вас недостаточно, пол грамма не больше

*por favor mas**

тишина, тишина

сеньорита вам плохо?

Там берёзы и тишина

*пожалуйста, можно ещё (*исп.*)

Степан Опскурор

Выйди из себя и зайди нормально

Пронзительная пустота. Земля прекрасна и гола, как бильярдный шар. Пустая болванка, ожидающая руки Мастера...

...Океан плавно перебирал струны волн, исполняя музыку прибоа. Да, никогда он не исполнял ничего другого, даже и не задумывался о том, что она одна и та же, других для него просто не существовало. Он единственный, кажется, сохранял спокойствие, и, наверное, только оно удерживало всех присутствующих в рамках адекватности.

– Карта не идёт, – с досадой процедил сквозь зубы Шива, нарушив неприлично затянувшееся молчание.

– Не скажи, – с долей иронии произнёс Люцифер. – Всё складывается как нельзя лучше.

– Армагеддон не козырной туз, параллели здесь неуместны, – тихо произнёс седой старик в красном кафтане, взглянув на задумавшегося Люцифера.

– Да и так нервы ни к ...чёрту, – поперхнулся последним словом Иегова.

Разговор явно не клеился и снова эдемскую идиллию нарушали лишь тихий шелест одежд да мягкие шлепки игральных карт о стол.

– Как-то оно будет? – задумчиво глядя вдаль, произнёс старик в красном.

Он, Кетцалькоатль – кого же угораздило обозвать его таким словом? – да Старуха С Косой были следующими на очереди. «Подкидной дурак на вылет» всё же лучше пустого безделья, колючими мыслями царапающего мозг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.